

Наш человек в Майами

Блуждая по российским и американским фотосайтам, однажды на Flickr'e наткнулся на снимок некоего Эмира Шабашвили с географической привязкой — «Майами, Флорида». Быть не может, чтобы в мире существовали другие Эмиры Шабашвили. Такие имя и фамилия были только в Казани — единственные на весь Татарстан. Более того, с их обладателем однажды я сталкивался по компьютерным делам в Казанском физтехе. Всего-то общался часик-другой, но этого хватило, чтобы потом заявлять: а-а-а, Эмир Шабашвили? Знаю... Хороший человек. Он даже поёт и на гитаре играет!

Вахит ШАРИПОВ

Снимок был чёрно-белый. Снятый культовой среднеформатной камерой... значит, не наш человек... В Казани ни у кого никогда не было такой камеры. И вообще, в эпоху торжества цифры на плёнку, тем более чёрно-белую, снимают-балуются только миллионеры-бездельники. Или, если выразиться по-русски: «Советские люди в булочную на такси не ездят!». Точно — не наш человек!

Проходит время, вдруг узнаю, что кто-то без моего согласия «прописал» меня в «Фейсбуке». И далее идёт длинный список френдов и «знакомых твоих знакомых», среди которых всплывает тот же «Эмир Шабашвили, Майами». Ладно, лезу в его данные и с удивлением узнаю: действительно, это тот же Шабашвили из Казани. Да, активно занимается фотографией, причём только чёрно-белой. И только в жанре «стрит-фото», давно почившем в бозе. Снимки интересные, но не в «тренде современности», следовательно, всемирная слава автору не грозит. Последняя вспышка всемирной

с детьми, воспитание маленьких собачек, регулярный вынос мусора, пение под гитару.

Несколько лет назад Эмир и его родственники решили переехать в страну США, что и сделали незамедлительно. Причиной переезда была любовь к соусу чимичурри, который Эмир и его близкие употребляют каждый день в огромных количествах. Чего и вам желаем».

А дай-ка напишу ему! Эмир ответил, правда, вначале он принял меня за своего однокурсника из Казанского университета с таким же именем, как и у меня. Двухмесячная переписка набухла и вскоре достигла зрелости журнальной публикации, представляющей, на мой взгляд, некий общественный интерес.

— Твои фотопристрастия — кумиры, наставники, стили?

— Ну, обычные имена — Кертеш, Дуано, Картье-Брессон, Франк, Виногранд, Куделка. Все просмотрены, прочувствованы, продуманы, и существуют в голове в виде культурного чернозёма. Как ни странно, совсем не уличный фотограф Эдвард Вестон, слишком много я его прочитал (у него есть пространственные дневники) и просмотрел, чтобы игнорировать.

Русские современные фотографы — Александр Слюсарёв, Владимир Семин, Валерий Щеколдин, Ляля Кузнецова. Товарищи по интернет-фотосайтам — Михаил Штейнберг, Виктор Гинзбург, Валентина Донейко.

Что касается фотографий самого Эмира, их своеобразия и привлекательности, то я нашёл точную оценку у уважаемого им Валерия Щеколдина. Слова советско-российского классика как нельзя лучше подходят к работам Эмира: «Репортёры более зажаты, чем человек, снимающий безответственно. Поэтому быстро зарабатываются штампы. И этот человек пропал для фотографии: он лишился любопытства».

Фотографию делает не фотограф, а случайность. Профессионалы, которые всё контролируют, обречены на посредственные кадры. Фотограф не творец — тот же Картье-Брессон сказал, что жизнь гораздо необычнее вымысла: никаких мозгов не хватит выдумать такой кадр, который тебе

«Фотографию делает не фотограф, а случайность. Профессионалы, которые всё контролируют, обречены на посредственные кадры».

«ломографии» (незатейливая камера Ленинградского оптико-механического завода — ЛОМО), довольствовавшаяся улично-бытовыми сценами «приблизительного» качества и нестрогих сюжетов, тоже в наши дни сошла на нет.

На его сайте была кратенькая самопрезентация в ироничных тонах: «Родился приблизительно полвека тому назад в городе Елабуге, что тогда находился в ныне упразднённой республике Советская Татария, бывшей частью не существующей в настоящее время империи СССР».

Жил в стране СССР долго и изо всех сил, старательно имитируя повадки её обитателей, их речь и манеру толкаться в общественном транспорте.

После упразднения СССР занимался бытовыми делами, включая: борьбу

даётся даром. Надо его дожидаться и не пыжиться из себя фотохудожника. Документальная фотография захирела бы в раю!»

— Слушай, а почему ты снимаешь дешёвой мыльницей?

— «Олимпусом» я снимаю часто не потому, что он дешёвый, а потому, что маленький и незаметный. Камер у меня очень много разных, и всем им находится работа время от времени, но «олик» всегда с собой.

— Была ли у тебя какая-то сквозная идея жизни?

Современный центр Казани выглядит нарядно. Он выдержан в европейском стиле. Он эклектичен. Он безобразен. Он — машина.

— Я отвечал, отвечу ещё раз — сквозной идеи не было. Хотел быть: археологом (в детстве), астрономом

(в ранней юности), физиком (чуть позже и чуть не стал), программистом, сетевиком (был и тем, и другим и до сих пор работаю с компьютерами и сетями), поющим поэтом — сочинять песни (некоторое время занимался этим), фотографом. Была идея жить как человек, сохранить душу. Надеюсь, что удалось, хотя бы частично.

— Сейчас, с высоты прожитых лет, не возникает ли у тебя ощущение некоей вариативности собственной судьбы? Мог стать и не компьютерщиком, а ещё кем-то. Мог бы заняться и не фотографией, а другим делом?

— Думаю, что если бы мне повезло в науке, то я бы там и остался, по крайней мере, на некоторое время, дольше той пары лет, что я провёл в Казанском институте биологии. В остальном... Конечно, жизнь могла бы сложиться иначе, но все повороты были логичны или казались таковыми, иной дороги не было.

На вопрос про Ле Корбюзье (когда Корбюзье в тридцатые годы прошлого века начинал реализовывать свою концепцию доступных поселений-коробок, он придерживался лозунга «Дом — это машина для жилья», на склоне лет, объехав весь мир и

увидев череду бесконечных «Черёмушек» из однотипных «хрущёб», он ужаснулся и поправился — «всё-таки дом — это машина для счастья!») отвечаю переводом послесловия к своей фотокнижке «La Machine a Habiter», предназначенной для американского читателя:

«Я городской житель и всегда был им. Город (Елабуга), в котором я вырос, старый город с 300-летней историей. Город составляли одноэтажные бревенчатые дома, да несколько православных церквей, возвышавшихся над крышами у берега реки. Каждый дом стоял на своём месте бесконечно, пока не разваливался от старости — строительство и капитальный ремонт были редкостью в провинциальных городках Советской России 60-х.

Моё детство закончилось в середине 70-х, с переездом в Казань. Здесь, поселившись в районе новостроек, я впервые столкнулся с этим странным чувством «Machine a Habiter», «обитаемой машины». Этот термин известен благодаря трудам архитектора Ле Корбюзье, он обозначает центральную идею его творчества. Для меня же это способ жить человека в настолько стандартной, индустриальной, похожей на муравейник структуре, что язык не поворачивается назвать такое существование «частная жизнь». То была реализация советской мечты: сотни коробчатых многоэтажек в пять-девять этажей, все отлиты из железобетона, все с одинаково крошечными 1–2–3-комнатными квартирами внутри. Квартиры были собственностью государства, сданными жителям внаём за номинальную квартплату.

Я так и не смог привыкнуть к этой среде и переехал в центр. Большинство домов здесь были старые; деревянные или кирпичные, все они были окутаны аурой утекающего времени, и каждый был в своём роде уникален. Многие постепенно разваливались без присмотра и ремонта, и все были разрушены в 2001–2003 годах; новый город был построен на месте прежнего. Современный центр выглядит нарядно. Он выдержан в европейском стиле. Он эклектичен. Он безобразен. Он — машина.

В этой книге собраны фотографии американских городов. В основном это Майами, штат Флорида. Мы переехали в Майами

Со стороны кажется почти невозможным жить внутри машины и оставаться человеком, ощущать себя дома каждую секунду. В то же время всё, что нужно: поместить свой дом внутри себя...

в 2002-м. Центр Майами, даунтаун, представлен на большинстве фотографий. Это несколько кварталов высоток на восток от станции метро «Правительственный центр» до ветреных про странств залива Бискейн. Есть несколько фотографий из других городов США.

Американский даунтаун представляет собой экстремальную реализацию «Обитаемой машины». Ничто здесь не является постоянным, построенным на века. Что угодно может быть перепланировано и

заменено — моргнуть не успеешь. Люди тут проживают-проигрывают свои дневные роли, судачат в офисах, так же как они это делали в деревнях средневековой Европы, но теперь они — часть потрохов гигантской машины. Они кажутся такими маленькими, не имеющими значения частицами её, почти паразитами на огромном теле белого металла, тёмного стекла и полированного камня.

Со стороны кажется почти невозможным жить внутри машины и оставаться человеком, ощущать себя дома каждую секунду. В то же время всё, что нужно: поместить свой дом внутри себя, взгромоздить его на плечи, как рак-отшельник раковину, обозначить в окружающем пузыре воздуха невидимые границы — несколько сантиметров знакомого пространства.

Я знаю это потому, что мой старый дом всегда со мной, каждый миг с тех пор, как я покинул его в 70-х. Да, всё тот же бревенчатый одноэтажный дом с комнатой на чердаке, однажды бывшей моей.

Мы ещё живы, ещё мечтаем внутри наших раковин. Выбора-то у нас всё равно нет. Нет другого дома. Этот — единственный».

— Политика тебя каким-то образом задевает или ты далёк от всех этих страстей? За какую партию ты голосуешь?

— Я внутренне очень мало вовлечён в политику, и в российскую, и в штатовскую. Слушаю радио и читаю И-нет и обычно в курсе всего. Вспоминаются: «А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты» (Высоцкий) или: «На зло найдётся зло, ну, а на силу — сила, а я про шум листвы, я вовсе не о том...» (Кушнер). Вот это мне близко, это я.

— Какова причина переезда в Штаты?

— Мы переехали в США в 2002-м, когда нам с женой было уже так существенно за сорок. Мы вполне были устроены, нам нравилось то, что мы делали профес-

сионально. Переезд очень нелёгкое дело, и психологически, и во всех материальных смыслах-аспектах, и, тем не менее, мы решились. Причина была простая: дети выросли, подходил призывной возраст, шла война в Чечне, и места им в кислотно-щелочной среде тогдашней российской действительности не просматривалось. Здесь они постепенно нашли себя. Для нас же переезд оказался возможностью прожить ещё одну

жизнь, очень насыщенную событиями и очень отличную от первой и главной, российской.

— *Все-таки, Эмир, зачем ты снимаешь? Чего тебе не хватает?*

— Ну, это как раз просто. У меня так всю жизнь — есть работа, и есть что-то вне неё. В прошлом — радиолюбительство, рисование, стихи, песни, компьютеры, сеть фидо (примерно в такой последовательности). Сейчас фотографирование. Из всего, чем я увлекался в течение своей уже довольно долгой жизни, только создание красоты — из ничего, творение, приносит чистую радость, которую ничем не заменить. Всё остальное блекнет по сравнению с этим.

Я помню это по тому времени, когда писал песни, то же случается и сейчас, когда вижу хороший снимок. При этом я знаю и понимаю, что надо делать, чтобы зарабатывать фотографией, здесь и сейчас. Это тяжёлая, нудная и не очень доходная (в моём случае) деятельность.

Думаю, что если бы я был вынужден работать фотографом, то, вероятно, перестал бы снимать так много и с таким интересом «для себя», как снимаю сейчас. Меня просто бы не хватило и на работу, и на творчество. Хотя, возможно, будь я помоложе, я бы в эту сторону двинулся, как в своё время оставил всё и занялся компьютерами, ставшими в конце концов моей специальностью. Так что я снимаю в своё удовольствие и не строю планов на моё фотографи-

ческое будущее, не дальше следующей плёнки, коих пока в холодильнике ждёт «достаточное количество», как любил говаривать Гоголь.

Моё фотографирование менялось с течением времени; когда я начинал (2004), меня в основном интересовал городской пейзаж, то, что на английском называется cityscape. Люди были важной, но не центральной его частью. Постепенно, с течением времени и шуршанием множества плёнок и картинок, это изменилось. Примерно в 2007–2008 годах был достигнут какой-то баланс, вылившийся в книгу «Обитаемая машина». С тех пор я ещё ближе продвинулся к людям, и в буквальном, и в переносном смысле. Я думаю, это заметно в снимках последних лет. Я чаще снимаю лица, взгляды, движения, любые проявления человеческой природы. Я чаще снимаю ночью при искусственном свете, внутри помещений, освещённые окна и т. п.

Поменялся и мой круг общения — раньше это в основном были русские фотографы, и общение происходило в онлайне. Теперь у меня много знакомых фотографов в Майами и окрестностях, есть клуб, есть встречи и разговоры. Эти перемены, как мне кажется, к лучшему.

— *Как ты относишься к национальному вопросу? К национальности человека?*

— Вспомним: «Национальность — странная забота. Она проходит. Сердце, прилепясь к чужой земле, сбивается со счёта, в иной узор уверовав и вязь...» (Кушнер).

Национальность — это корни. Они там, внизу. А я здесь, шевелю листьями, ловлю ветер и солнце. Это так для меня. Да, национальная идентификация имеет огромное значение, и без неё себя представить невозможно. Но я с радостью погружаюсь в чужую культуру, язык, страну, сам при этом меняюсь. Майами — это кубинское место. Пытаюсь учить испанский (мечтаю съездить на Кубу поснимать, проблема — найти для этого время).

Я работаю вместе с выходцами с Кубы, Гаити, Ямайки, с коренными американцами, с чёрными и белыми, евреями, неграми и англосаксами. Это наш отдел, те, с кем я встречаюсь каждый день. Знаком и встречаюсь с местными фотографами — тоже чёрными, белыми, жёл-

тыми. И русские среди них, кстати, тоже есть. Ещё одно: национальность для меня в большой степени связана с «малой родиной» — Елабугой, Казанью, в противоположность родине «большой» — России, СССР. Конечно, в такой пирамидальной, централизованной стране, как Россия, а тем более СССР, где я прожил большую и важнейшую часть своей жизни, отделить часть от целого невозможно, она едина и повторяет себя в каждой частице, но я воспринимаю её и себя в ней через те места, где я вырос, жил.

— *Как у тебя сейчас в Америке с песенным творчеством: идёт — не идёт? А с музыкой в более широком контексте какие у тебя взаимоотношения? Рок,*

поп, классика, барды? Во время фотопроектных музыка имеет место быть? Хотя бы чисто ритмически. Вообще она, музыка, к стрит-фотографии имеет отношение?

— С песнями неважно. Что-то записывается изредка, есть домашняя студия, но среды для этого дела тут нет, и оно заглохло.

Петь не перестаю, но возвращаюсь к гитаре редко. Причина не только в том, что нет слушателей; я хотел бы и петь, и писать песни, но совсем в другом жанре (от прежнего романса к джазу/блюзу), однако времени и сил поднять себя за шиворот уже нет. Из музыки слушаю в основном джаз. Пишу иногда стихи.

Тропический фотограф

*Разгар лета в одном из приморских тропических городов,
Над случайным набором белых бетонных пустот
Стервятник взмахами роет плавленный воздух густой,
Сорок минут снаружи и ты готов.*

*Красться сквозь это вязкое ничто, шарахаясь из тени в тень,
Камера в правой руке, в левой скомканный мокрый платок.
Вниз: толчками плывёт мостовая из серых заплаток.
Вверх: термоядерное отверстие солнца. Это день.*

*День это баня. Ночь — предбанник, только пахнет не елью и не сосной.
Липкий суставчатый запах цветов и мангровая прибрежная вонь
набивают оскомину, хочется с глаз долой и из сердца вон.
Внимание, по CNN сообщают, что идёт ураган, такой, что ой.
Он проходит насквозь белым пламенем летящей горизонтально воды.
Он заламывает руки деревьям и выносит стервятников в Эверглейдс.
Помнишь рекламный щит у Голден Глэйдс?
Синий брезент и дранка крыш заматают его следы.*

*Он летит кувыркком в шампанской взвеси, сообщая, как сбросить вес,
Или как стать сильнее, ортофосфорной глотнув шипучки,
Он поднимается высоко, становясь подобием точки
Посреди ослеплённых небес.*

*И тускло светит солнце сквозь всю эту муру,
И блещит мокрой рванью чешуя ошарашенных гадов.
Господи, отправь меня в холодную версию Ада,
Когда я умру.*

Вот такие стихи... На мою прежнюю музыку их уже не положить, а новой нет.

